

связь. Лишь после того, как эта работа закончена, может быть надлежащим образом изложено действительное движение». ¹ Это значит, что для обнаружения научной истины следует не пренебрегать ни одним способом ее раскрытия, но предусмотрительно учитывать, что может дать тот или иной метод, или прием работы.

Итак, как все явления жизни, литература изучается в движении, в процессе ее становления, а не статически; только в учебниках для простоты изложения допускается упрощение с целью более удобного обзора материала: говорят, напр., «литература XII в.» или «литература XVII в.» и т. п. В моих лекциях по методологии я уже огмечал эту условную манеру периодизации литературных явлений, как приемлемую только с педагогической точки зрения. Но, конечно, ни одному настоящему ученому и не снилось, что литературное развитие в какой-либо стране, в точных пределах столетий или иных сроков — представляло бы собою нечто законченное, остановившееся в своем развитии. И вот, в этом процессе становления той или иной литературы у народа получающего письменность и выходящего на арену исторической жизни через приобщение к культуре опередивших его народов, — литературы, равняющейся на соседнюю, созданную нацией переловой, являющейся своего рода «законодателем моды» для определенного, обычно ведущего класса нации заимствующей, отсталой — заимствование оказывается чрезвычайно удобным и обычным способом «сравняться» с этим «законодателем». Само собою разумеется, что на первых порах заимствует не вся нация, а тот ее класс, который культурно наиболее близко подходит к «законодателю».

«Заимствование» таким образом есть явление неизбежное в жизни народов, так как нет народов, жизнь которых протекала бы в полной изоляции. Не всегда нация изобретает все, необходимое ей, сама, когда достигает известного культурного уровня.

«Заимствование», понимаемое в широком значении, охватывает различные стороны быта; например, северные народы заимствовали алкоголь, а не изобрели его; народы Европы заимствовали у Америки картофель и табак. В X—XII вв. высший класс древней Руси усваивал одежду знатных византийцев; в XVIII в. — таковой же класс заимствовал парики, фижмы и многое другое у Западной Европы. Так заимствовались и литературные идеи, и формы их выражения: заимствование — было всегда и везде усвоением литературного опыта, опыта представителей исторически предшествовавших культурных слоев ведущего класса. Литература не была

¹ Маркс. Капитал, I, предисл., стр. XL, 6-е изд. 1930 г.